

Пушкин А. 22/1 1987 г.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА, 22 янв, 1987

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Впервые поэт обратился к теме пугачевщины в 1832 году, внося в рабочие тетради наброски плана «Капитанской дочки». Но, ознакомившись с русской и зарубежной литературой о Пугачевском восстании, увидел, что она бедна фактами и тенденциозна. Поэтому, отложив работу над «Капитанской дочкой», Пушкин решил самостоятельно исследовать историю пугачевского движения. Подошел он к осуществлению своего замысла как истинный ученый, с позиций историзма, стремясь отчетливее уяснить социальные противоречия современной ему эпохи.

В феврале и марте 1833 года поэт получил в архиве Военного министерства богатейшее собрание документов времен пугачевщины в десяти огромных книгах-фолантах Секретной экспедиции Военной коллегии. Эти материалы, дающие представление о подавлении пугачевского движения и ходе боев восставших с карательными войсками, стали документальной основой пушкинской «Истории Пугачева». О кропотливой работе над материалами Военной коллегии свидетельствуют страницы «Истории Пугачева» и многочисленные рукописные заготовки к этой книге — копии и конспекты документов, внесенные в «архивные тетради». Важное место занимают в них копии манифестов и указов Пугачева, раскрывающих идейную сторону повстанческого движения, социальные требования и чаяния трудового народа, антифеодальные лозунги земли и воли.

Наряду с материалами Военной коллегии Пушкин использовал также документы времен пугачевщины из фамильных архивов Галаховых и Фонвизинных, мемуары историка П. Рычкова из коллекций И. Лажечникова, Г. Спаского, Н. Языкова и его братьев, записки отставного офицера Н. Повало-Швейковского, записывал рассказы очевидцев восстания, поэтов И. Крылова, И. Дмитриева. Исторического материала, как мы видим, в его распоряжении было много. Казалось бы, чего еще желать — сидеть и писать. Но Пушкину и этого показалось мало. Он считал, что почти все собранное им в Петербурге архивные документы, мемуарные свидетельства и литературные памятники освещали Пугачевское восстание односторонне, с позиции администрации Екатерины II, заведомо дискредитируя Пугачева, его ближайших сподвижников и рядовых повстанцев.

Поэту же хотелось услышать мнение о Пугачеве простого народа, обогатить исследование новыми материалами и собственными наблюдениями. С этой целью в августе — сентябре 1833 года Пушкин посетил города и селения, где некогда прошла воляница Пугачева, осмотрел места бывших сражений и обветшавшие укрепления, встретился со стариками, в том числе и с бывшими участниками восстания, еще помнившими те события и самого Пугачева. Их свидетельства, отмеченные печатью «истины, неукрашенной и простодушной» и свойством «живой современности», разительно отлича-

Этому не устаешь поражаться: живой и непоседливый Пушкин, в считанные дни, а порой даже и часы создававший свои гениальные произведения, превращался в упорного, педантичного, вездливую ученого, когда дело касалось истории, архивных документов. Свидетельство тому — его работа над историей Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

«...ИЗЫСКИВАЛ ИСТИНУ С УСЕРДИЕМ»

лись от принятой тогда официальной трактовки восстания. Рассказы, предания и песни, услышанные и отчасти записанные Пушкиным в поволжских селениях, Оренбурге, Уральске, Бердской слободе и уральских казачьих станицах, позволяли воспринять события восстания и фигуру Пугачева так, как видел их простой народ.

Пушкин писал: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Собираясь в декабре 1833 года представить первые главы книги на суд властей, поэт писал в черновике сопроводительного письма: «Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, по крайней мере я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей». Однако, решив, что столь откровенная и смелая характеристика рукописи и авторской позиции может воспрепятствовать изданию, Пушкин отправил рукопись с другим письмом, где была приемлемая для властей характеристика книги: она может представить интерес, особенно по освещению «тогдашних военных действий, доселе худо известных».

Вышедшая в свет в декабре 1834 года «История Пугачевского бунта» открыла отечественную историографию Крестьянской войны 1773—1775 годов. Пушкин не только ясно и последовательно описал военные действия, изобразив самоотверженную борьбу восставших с войсками Екатерины II, но и дал впечатляющую картину стихии народного движения. Мно-

гогранно и красочно выписан в книге Пугачев. Он изображен «славным мятежником», человеком ярко выраженного авантюрного склада, проявившим плутовство и коварство, а в отношении своих врагов — мстительность и жестокость. И вместе с тем Пугачев предстает человеком, наделенным незаурядным умом, большим жизненным опытом и военными познаниями, неукротимой волей, «дерзостью необыкновенной» и великодушием. Став волею обстоятельств вожаком восстания, взяв на себя роль новоявленного «императора Петра III» и искусно исполняя ее, преодолевая сословный сепаратизм и своеволие яицких казаков — застрельщиков и вожаков выступления, Пугачев превратился в выдающегося предводителя восставшего народа. Такая трактовка его образа с особенной силой была воплощена в повести «Капитанская дочка».

К оценке «Истории Пугачевского бунта» Пушкин подошел как взыскательный исследователь. Он отметил, что книга — плод добросовестного двухлетнего труда. Но в то же время указывал и на ее несовершенства. Они, по словам поэта, выражались главным образом в том, что ему не удалось с необходимой полнотой осветить отдельные события пугачевского движения из-за недоступности важнейших документальных источников (прежде всего протоколов следственных показаний Пугачева и его ближайших соратников), которые находились на секретном хранении в государственном архиве. Кроме того, предвдвля вероятные цензорские замечания. Пушкин вынужден был ограничивать себя в освещении ряда политических острых вопросов. Таких, например, как причины массовых выступлений крестьянства в поддержку Пугачева; социальные противоречия между простым народом и дворянством, выявившиеся в дни пугачевщины; продиктованная восстанием необходимость преобразования в общественном строе и государственном

управлении. Не затронув этих вопросов в книге, Пушкин свои наблюдения и суждения по ним изложил в рукописи секретных «Замечаний о бунте», посланных Николаю I вместе с экземпляром «Истории Пугачевского бунта».

Друзья поэта и почитатели его таланта с пониманием и одобрением приняли «Историю Пугачевского бунта», высоко оценив ее научные и литературные достоинства. В то же время книга была враждебно встречена приверженцами официально-охранительного правительственного курса во главе с министром народного просвещения С. С. Уваровым. В феврале 1835 года Пушкин отметил в своем дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении».

В 1835—1836 годах параллельно с работой над повестью «Капитанская дочка» Пушкин собирает материал для задуманного им второго издания «Истории Пугачевского бунта». Поэт получил в Московском архиве старых дел восемь связок документов (в их числе дело о побеге Пугачева из казанского острога в мае 1773 года, следственные дела о некоторых видных пугачевцах), а в Московском архиве Коллегии иностранных дел — «Пугачевский» портфель историка Г. Ф. Миллера и бумаги собрания историка Н. Н. Бантыша-Каменского, содержащие мемуары, письма и документы эпохи пугачевщины. Трагическая гибель Пушкина оборвала подготовку второго издания «Истории Пугачевского бунта», и все вновь собранные им для этого издания материалы были впервые опубликованы лишь в 1940 году.

Исторические исследования Александра Сергеевича Пушкина наглядно убеждают, какое колоссальное количество труда, настойчивой и кропотливой работы вкладывал он в свои произведения.

«Когда талант чуждается труда, — считал Пушкин, — из-под пера его не выйдет ничего сколько-нибудь значительного». «В наше время главный недостаток есть отсутствие труда», — замечал он о писателях-современниках. Критерий труда был для Александра Сергеевича той мерой, которая определяла оценку им человека, и в особенности исторического деятеля, деятеля культуры. Прекрасный урок всем нам!

Р. ОВЧИННИКОВ,
доктор исторических наук.

- А. С. Пушкин. Литография А. С. Пруцкого.
- Пугачева сажают в железную клетку, чтобы в ней везти его в Москву. Рисунок Т. Г. Шевченко.
- Емельян Пугачев. Гравюра, приложенная к первому изданию «Истории Пугачевского бунта».

